

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПРИ СОБИРАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

© 2014 г. Парвиз Садуллоевич Абдуллоев¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с международно-правовой помощью при собирании доказательств по уголовным делам; дается анализ зарубежного законодательства; предлагаются идеи по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в этой сфере.

Annotation: the article considers the topical legal issues associated with the concept of international legal assistance in evidence collection for criminal cases. Ideas for improving the criminal procedural law in this area are suggested. This article provides the analysis of foreign legislation on these issues.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательственная информация, собирание доказательств, процессуальные действия, международно-правовая помощь, поручение, иностранное государство, доказывания.

Key words: criminal procedure, probative information, evidence, proceedings, internationally-legal assistance, instruction, foreign state, proof.

Римский статут Международного уголовного суда², Минская и Кишиневская конвенции об оказании правовой помощи³, двусторонние договоры между государствами о правовой помощи по уголовным делам, а также конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и против коррупции (в настоящее время участники этой конвенции – более 168 государств) предусматривают нормы об оказании правовой помощи по уголовным делам, в том числе получение доказательств на территории иностранных государств. На основании указанных договоров международно-правовая помощь при собирании доказательств по уголовным делам – это, по сути, поиск доказательств на международном уровне.

Анализ практики международно-правовой помощи по уголовным делам показывает, что в последние годы число направленных или исполненных поручений об оказании правовой помощи растет⁴. Как правило, большинство из них – это поручения по собиранию доказательств⁵.

Проблема собирания доказательств в науке уголовного процесса обсуждается давно. В настоящее время проблема определения понятия собирания доказательств, и в частности доказательств, полученных на территории иностранного государства, приобретает еще большую актуальность⁶, поскольку получение доказательств на территории иностранного государства различается в зависимости от процессуальных норм, а в некоторых случаях и правовых систем.

Рассматривая названную проблему, кратко остановимся на понятии “собирание доказательств”.

Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РТ “Собирание доказательств производится в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом”.

Из содержания данной статьи можно определить, что собирание доказательств – это установленные законом действия государственных компетентных органов и должностных лиц по получению и закреплению доказательств по уголовным делам.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ “собирание доказательств осуществляется... путем производства следственных и иных процессуальных действий”. Иными словами, собирание доказательств путем производства следственных действий и судебного следствия сомнений не вызывает. Еще дореволюционный юрист И. Ивановский отмечал, что получение доказательств на территории иностранного государства реализуется путем производства следствия⁷.

Генеральной прокуратурой России в 2010 г. в компетентные органы иностранных государств направлено около 2951 запроса о правовой помощи, в 2011 г. – 3036, в 2012 г. – 2943 запроса. В 2010 г. рассмотрены 3373 иностранных запроса о правовой помощи, в 2011 г. – 2907, в 2012 г. – 3237 запросов (см.: <http://www.genproc.gov.ru>).

⁶ Понятие международно-правовой помощи по уголовным делам тесно связано с собиранием доказательств. Например, Управление ООН по наркотикам и преступности предлагает: “оказание взаимной правовой помощи в уголовных делах – это процесс, посредством которого государства пытаются получить и предоставляют помощь в сборе доказательств для их использования в уголовных делах” (Руководство по вопросам взаимной правовой помощи и экстрадиции. ООН, Нью-Йорк, 2012. С. 19).

⁷ См.: Ивановский И. Взаимное содействие государств в производстве следствий по делам уголовным. Одесса, 1889. С. 64.

¹ Аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (E-mail: 1986_parviz.a@mail.ru).

² См.: Doc. OON A/CONF. 183/9.

³ См.: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., Минск. Вступила в силу 19 мая 1994 г. В настоящее время действует в Республике Таджикистан, Республике Молдова, Российской Федерации, Туркменистане, Республике Узбекистан, Украине.

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г., Кишинев. Не ратифицирована Республикой Молдова, Российской Федерацией и Украиной (см.: Справка о ратификации документов, принятых Советом глав государств СНГ, Советом глав правительств СНГ в 1991–2012 гг. (По состоянию на 7 апреля 2012 г.) // <http://cis.minsk.by>).

⁴ Статьи 470, 471, 473 УПК РТ предусматривают поручение о производстве процессуальных действий, а ст. 453, 454 УПК РФ – запрос о правовой помощи. Представляется более удачным понятие “запрос”, используемое в УПК РФ, поскольку оно в УПК РФ предусматривает направление и исполнение запроса на основе принципа взаимности. В УПК РТ понятием “поручение” охватывается, по существу, требование УПК РТ о направлении и исполнении поручения на основе только международных договоров.

⁵ По официальным данным Генеральной прокуратуры РТ, в 2010 г. было зарегистрировано 293 международных поручения, а в 2011 г. – 314, в 2012 г. – 299, в 2013 г. – 408. (Архив Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан, 2013).

Возникает вопрос: процессуальные действия⁸ состоят из следственных и судебных действий или, как предусматривает п. 32. ст. 5 и ч. 1 ст. 86 УПК РФ, существуют иные процессуальные действия?

В научной юридической литературе нет единого понятия “иное процессуальное действие”⁹. Статья 5 УПК РФ предусматривает, но не определяет понятия “иное действие”. Если в УПК РФ введена эта норма для каких-то вспомогательных действий по собиранию и проверке доказательств, то без определения данного понятия можно решать такие вопросы в рамках следственных или судебных действий. По нашему мнению, все вопросы собирания и проверки доказательств разрешаются в рамках следственных и судебных действий без необходимости определения иного действия¹⁰.

Независимо от того, что собирание доказательств имеет глубокие исторические “корни”¹¹, в научной литературе нет единого мнения о собирании доказательств как элемента доказывания. Например, М.С. Строгович не употреблял понятия “собирание доказательств” как элемент доказывания. В связи с этим он отмечал, что процесс доказывания происходит в установленном законом процессуальном порядке и состоит из следующих этапов: 1) обнаружение доказательств, 2) рассмотрение и процессуальное закрепление доказательств...¹²

Поэтому, по нашему мнению, М.С. Строгович понятие “собирание доказательств” толкует как обнаружение доказательств, рассмотрение и процессуальное закрепление доказательств.

Ф.Н. Фаткуллин пишет, что “*построение и динамическое развитие следственных версий по делу есть первый элемент*

доказывания в советском уголовном процессе”¹³. “Выдвижение и развитие версий”, которые отмечает Ф.Н. Фаткуллин, – это не первичный элемент доказывания, но это первичный элемент понятия сведений, которое обозначает, что такие сведения существуют или нет. По нашему мнению, “выдвижение и развитие версий” не отвечает, по определению, требованию элемента доказывания¹⁴.

В современной юридической науке наблюдается острая дискуссия по вопросу “собирания доказательств” и “формирования доказательств” как начального элемента доказывания.

По мнению С.А. Шейфера, “собирание доказательств” и “формирование доказательств” имеют одинаковую силу и применяются как синонимы¹⁵. Существует и иное мнение: Е.А. Доля утверждает, что “собирание доказательств” не отвечает требованию доказывания как начального элемента доказывания и предлагает понятие “формирование доказательств”¹⁶.

В литературе о международно-правовой помощи при собирании доказательств по уголовным делам высказано мнение о том, что собирание доказательств и есть формирование доказательств¹⁷. Как представляется, понятие “формирование доказательств” не охватывает в полном объеме понятия “собирание доказательств”. Применение понятия “формирование доказательств” является эффективным, но оно выступает лишь как подэлемент доказывания¹⁸.

В научной литературе существует мнение о том, что понятием “собирание доказательств” охватываются их поиск (розыск), обнаружение и получение (извлечение) содержащейся в них информации органом расследования и судом¹⁹. Следовательно, получение в установленном законом порядке

⁸ В процессе глобализации, который характеризуется высоким темпом сближения и гармонизации уголовного процесса стран мира, не всегда одинаково понимается понятие процессуального действия в современных системах права. Даже не существует единого определения понятия процессуального действия в рамках одной правовой системы. Например, п. 32 ст. 5 УПК РФ, п. 35 ст. 6 УПК Белоруссии и УПК РТ.

⁹ См.: Балакишин В.С. Иные процессуальные действия как средства уголовно-процессуального доказывания // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 26.

¹⁰ Общеизвестный пример “иного процессуального действия” – это процессуальные действия по получению и закреплению “иных документов”. В научной литературе в числе видов иного процессуального действия называется “наложение ареста на имущество” (Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях. М., 2012), “с позиции процесса доказывания задержание подозреваемого представляет собой иное процессуальное действие, предусматривающее собирание доказательств” (Очередин В.Т. Следственные действия в уголовном процессе. Учеб. пос. Волгоград, 2008. С. 19), истребование документов тоже считается иным процессуальным действием. Подобные мнения имеют М.В. Савельева и А.Б. Смушкин (см.: Савельева М.В., Смушкин А.Б. Следственные действия. Учеб. пос. М., 2012. С. 83, 125). Но, по нашему мнению, названные виды не имеют прямой связи с собиранием доказательств или решаются в рамках следственного и судебного действия.

¹¹ Л.Е. Владимиров отмечает, что правила о собирании доказательств в суде строже и представляют собой ряд начал, выработанных в течение веков на почве страданий и бесконечных наблюдений (см.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 46).

¹² См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 302.

¹³ Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1973. С. 46.

¹⁴ В.А. Лазарева отмечает, что “считать или не считать их самостоятельными элементами доказывания – дело, что называется, вкуса...” (Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. Учеб.-практ. пос. М., 2010. С. 153).

По нашему мнению, не “вкус” определяет элементы доказывания: элементы доказывания предусматривает законодательство, а в теории определяется научная обоснованность.

¹⁵ Концепцию формирования доказательств, выдвинутую и обоснованную автором много лет тому назад, разделяют в своих трудах многие современные исследователи: А.Р. Белкин, Е.А. Доля, А.Б. Соловьев, В.А. Семенов, А.В. Победин, А.В. Гриненко, А.Н. Халиков и другие ученые, изучающие познавательную деятельность органов расследования. Надо отметить, что С.А. Шейфер – один из первых ученых, который ввел в советский уголовный процесс понятие “формирование доказательств” (Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 7, 15, 16; Его же. Формирование доказательств по уголовному делу – реальность доказательственной деятельности или научная фантазия?).

¹⁶ См.: Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2013. С. 94.

¹⁷ Например, по мнению Д.В. Шинкевича, “собирание доказательств по уголовным делам посредством оказания правовой помощи было бы точнее назвать формированием доказательств и их процессуальных источников, которое включает производство и процессуальное оформление процессуальных действий компетентных органов иностранных государств по поиску, обнаружению, получению и фиксации доказательственной информации” (Шинкевич Д.В. Особенности доказывания по уголовным делам при оказании правовой помощи иностранными государствами. Дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 127).

¹⁸ См. об этом далее.

¹⁹ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 300.

доказательства – незаменимое требование к понятию соби-
рания доказательств.

По мнению В.А. Лазаревой, “собрание доказательств – это собрание сведений о преступлении и других имеющих значение для дела обстоятельствах”²⁰. В этом понятии соби-
рания доказательств В.А. Лазарева не определяет, какие субъ-
екты имеют право собирать доказательства, каким образом
собрание сведений может стать собиранием доказательств?

“Собрание доказательств – это осуществление уполномо-
ченными органами и лицами деятельности по обнаруже-
нию, истребованию, получению и фиксации в установленном
законом порядке доказательств”²¹, – пишет Л.Т. Ульянова.
На наш взгляд, понятие собирания доказательств, предлагае-
мое Л.Т. Ульяновой, представляется более точным, но она не
включает в него такой элемент, как представление доказа-
тельственной информации.

Что касается представления доказательственной инфор-
мации, то имеется разница между нормами УПК РТ и УПК
РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РТ защитник вправе:
представлять доказательства; собирать сведения, необходи-
мые для оказания юридической помощи, и т.д.

По сравнению с ч. 3 ст. 86 УПК РТ ч. 3 ст. 86 УПК РФ пред-
усматривает, что “защитник вправе собирать доказательства”.
Согласно ч. 3 ст. 6 Федерального закона “Об адвокатской дея-
тельности и адвокатуре в Российской Федерации” от 31 мая
2002 г. адвокат вправе “собирать сведения” или “собирать и
представлять предметы и документы, которые могут быть
признаны вещественными и иными доказательствами”²².

Имеется коллизия между нормами ч. 3 ст. 86 УПК РФ и
ч. 3 ст. 6 Федерального закона “Об адвокатской деятельно-
сти и адвокатуре в Российской Федерации” относительно
права адвоката собирать доказательственную информацию.
По нашему мнению, защитник имеет право собирать и пред-
ставлять сведения. Защитник не имеет в полном объеме пра-
ва собирать доказательства. Защитник в процессе собирания
доказательств участвует и может собирать и представлять
сведения (документы и предметы) компетентным лицам
(дознавателю, следователю, прокурору и суду).

Одним из процессуальных действий по собиранию дока-
зательств является *представление доказательств* (представ-
ление доказательственной информации)²³. Термину “пред-
ставление доказательств” законодатель придает различный
смысл. В нормах закона, определяющих процессуальное
положение неофициальных участников процесса, преду-
смотрено их право представлять доказательства органам
расследования и суду²⁴.

Часть 4 ст. 86 УПК РФ и ч. 4 ст. 86 УПК РТ предусма-
тривают сведения, которые представляются, и лиц, которые
могут представлять доказательства. До времени получения
этих сведений дознавателем, следователем, прокурором и
судом они не могут считаться доказательствами.

В отличие от ч. 4 ст. 86 ст. 277 УПК РТ предусматривает:
“Обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший,
гражданский истец, гражданский ответчик и их представи-
тели пользуются равными правами на заявление отводов и
ходатайств, *представление доказательств...*” (курсив мой. –
А.П.).

Согласно указанной статье обвинитель, подсудимый,
защитник, а также потерпевший, гражданский истец, граж-
данский ответчик и их представители имеют право на *пред-
ставление доказательств*²⁵. Названные участники не пред-
ставляют доказательства – они представляют сведения об
обстоятельстве, подлежащие доказыванию, – “неоднократно
встречающуюся в законе неточность, заключающуюся, как
справедливо отмечает И.Б. Михайловская, в наделении по-
терпевшего, как и других участников процесса – частных
лиц, правом представлять доказательства. Но сведения о
фактах могут стать доказательствами лишь в результате про-
ведения следственных или судебных действий”²⁶.

По нашему мнению, в УПК РТ и в УПК РФ следует
внести следующие изменения, касающиеся представления
доказательств: “неофициальные” участники процесса имеют
право “представлять сведения”.

Стороны могут обратиться к дознавателю, следователю,
прокурору, а также в суд для получения доказательств, ко-
торые находятся на территории иностранного государства
(ч. 2. ст. 86 УПК РТ). В настоящее время существует пробле-
ма по собиранию доказательств – это собирание сведений
потерпевшим, обвиняемым и др. на территории иностранно-
го государства.

Как отмечает Л.В. Головкин, информация, которая не только
по инициативе следствия, но и по инициативе потерпевшего,
обвиняемого, их защитников, представителей и др. исходит
от иностранных судебных учреждений, имеет официальный
характер, но получена не в порядке оказания традиционной
правовой помощи по уголовным делам²⁷.

²⁵ О представлении доказательств см. ст. 309, 333 и ч. 2 ст. 443 УПК
РТ.

²⁶ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в
уголовном процессе. М., 2006. С. 35.

²⁷ Смысл ее вкратце сводится к тому, что суд по заявлению частных
лиц вправе издать предписание о раскрытии сведений, состав-
ляющих коммерческую или банковскую тайну, для их использо-
вания в ходе уголовного или гражданского процесса, имеющего
место за рубежом. Например, допустим, речь идет о США, где
появилась так называемая процедура “subpoena” (Закон № 1782),
которая предполагает, что участники гражданского или уголов-
ного процесса в зарубежном государстве (т.е. вне США) имеют
право обратиться в американский суд для получения информации
(“document discovery”) и получения свидетельских показаний
(как доказательств), данных под присягой (“deposition”), в случае,
если такие доказательства находятся на территории США и не
могут быть получены в другом месте (см.: Головкин Л.В. Новые
виды информации, раскрытой по решению иностранного суда:
доказательственное значение // Использование новых видов кри-
миналистически значимой информации в правоприменительной
деятельности. Материалы “круглого стола”. М., 2012 (электрон-
ный ресурс); Его же. Доказательственное значение в Российской
Федерации материалов, раскрытых по решению иностранного
суда // Уголовное право. 2010. № 1. С. 104).

Необходимо отметить, что ч. 2 ст. 1 Минской конвенции и ч. 2
ст. 1 Кишиневской конвенции предусматривают, что граждане
каждой из Договаривающихся Сторон имеют право свободно и
беспрепятственно обращаться в компетентные органы Договари-
вающихся Сторон, к компетенции которых относятся уголовные
дела, могут выступать в них, подавать ходатайства, предъявлять
иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же
условиях, что и граждане данной Договаривающейся Стороны.

²⁰ Лазарева В.А. Указ. соч. С. 63.

²¹ Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном
процессе России. Учеб. пос. М., 2008. С. 133.

²² Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

²³ Как справедливо отмечает Р.В. Костенко, “представление доказа-
тельств в системе способов собирания доказательств реализуется
как равноправный и самостоятельный элемент данной системы”
(Костенко Р.В. Сущность представления доказательств в россий-
ском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 2
(3). С. 66).

²⁴ См.: Шейфер С.А. Доказательства и доказывания по уголовным
делам: проблема теории правового регулирования. М., 2012.
С. 89.

Потерпевший, обвиняемый, их защитники и др. имеют право представлять ходатайства в компетентные органы иностранного государства на основе международных договоров о правовой помощи, о производстве процессуальных действий с целью собирания доказательств на территории иностранного государства. Хотя потерпевший, обвиняемый и др. на основе некоторых международных договоров могут собирать доказательства, это считается не традиционным способом оказания правовой помощи по уголовным делам, поскольку традиционное оказание правовой помощи предполагает обращение компетентных органов одного государства в компетентные органы другого государства.

В ходе проверки и оценки доказательств могут возникать сложности при решении вопроса относительно данной информации, поскольку уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан и Российской Федерации не предусматривает норм о собирании доказательств по инициативе потерпевшего, обвиняемого, их защитников, представителей и др. на территории иностранного государства.

В качестве механизма собирания доказательств на территории иностранного государства выступают направление и исполнение поручения об оказании правовой помощи по уголовным делам: при направлении запроса компетентное лицо (орган) руководствуется законодательством своей страны и нормами международных договоров. Международные договоры о правовой помощи по уголовным делам предусматривают возможность использования уголовно-процессуального законодательства иностранного государства при исполнении поручения.

Если поручение было направлено с учетом изучения уголовно-процессуального законодательства обеих стран, результат может получиться достаточно хорошим. Но не по всякому случаю, а только при необходимости дознаватель, следователь, прокурор и суд направляют поручение об оказании правовой помощи по уголовному делу с целью собирания доказательств. Именно «при необходимости» (ст. 467 УПК РТ и ст. 453 УПК РФ) производства на территории иностранного государства суд направляет поручение (запрос) о правовой помощи по уголовному делу. Можно сказать, что результат этого поручения во многих случаях имеет «ключевое» значение для принятия законного, обоснованного и справедливого решения по уголовному делу.

Однако проблемы возникают при исполнении поручения прежде всего в связи с несоблюдением срока получения доказательственной информации на территории иностранного государства, поскольку срок расследования дела ограничен²⁸. Международные договоры ссылаются на нормы национального законодательства, а национальное законодательство не устанавливает сроков исполнения поручения.

Самое эффективное решение вопроса об исполнении поручения в надлежащее время и получение доказательства в установленный срок – это применение разумного срока в международно-правовой помощи по уголовным делам. Предлагаем в дальнейшем закрепить разумные сроки при исполнении поручения в международных договорах об оказании правовой помощи по уголовным делам.

Следует отметить, что собирание доказательств как элемент доказывания широко используется в деятельности Международного уголовного суда (далее – МУС). Раздел III (Собирание доказательств) Правил процедуры и доказывания

МУСа предусматривает нормы о собирании доказательств. Согласно Правилу 115 сбор доказательств на территории государства-участника со стороны прокурора по разрешению Палаты (Палаты суда) и согласно Правилу 116 предусматривает сбор доказательств по просьбе стороны защиты.

Таким образом, собирание доказательств состоит из следующих элементов: 1) обнаружение доказательств (сведений); 2) представление доказательственной информации; 3) получение доказательственной информации; 4) формирование доказательств (использование сведений, полученных непроцессуальным путем, например в результате ОРД)²⁹; 5) фиксирование доказательств процессуальным путем³⁰.

Международно-правовая помощь при собирании доказательств по уголовным делам – это взаимодействие компетентных органов и должностных лиц одного государства (дознателя, следователя, прокурора и суда) или международных организаций с соответствующими компетентными органами иностранного государства с целью обнаружения доказательств (сведений), представления доказательственной информации, получения доказательственной информации, формирования и фиксирования доказательств процессуальным путем.

По мнению А.Г. Калугина и Д.В. Шинкевича, сведения, полученные на территории иностранного государства, сами по себе доказательствами не являются. Чтобы стать таковыми, они должны быть приобщены к уголовному делу в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и получить статус одного или нескольких видов доказательств, предусмотренных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Трудно согласиться с мнением А.Г. Калугина и Д.В. Шинкевича: сведения, полученные на территории иностранного государства, не являются доказательствами. Если сведения получены при применении УПК РТ или УПК РФ на территории иностранного государства, или виды доказательств, полученные на территории иностранного государства, совпадают с доказательствами, полученными на территории Республики Таджикистан или Российской Федерации, эти сведения являются доказательствами. Поскольку ст. 72 УПК РТ и ст. 74 УПК РФ предусматривают, что доказательства должны иметь определенную форму, сведения, которые получены на территории иностранного государства, если не имеют определенного требования к виду доказательств, должны иметь статус одного или нескольких видов доказательств, если это не нарушает содержания доказательств. По данному вопросу, справедливо отмечает В.К. Случевский, «нужно принять во внимание не только его форму, но и его содержание»³¹.

Стандартизация ныне сочетается с расширяющимся использованием средств вычислительной техники и связи³². Один из актуальных вопросов в рамках международной пра-

²⁹ См.: Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2013. С. 293–295; Зажичкий В.Н. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. СПб., 2006. С. 355, 356, 363.

³⁰ Следует отметить, что классификации элементов собирания доказательств условны. В большинстве случаев для собирания доказательств не обязательны все элементы собирания доказательств: число элементов зависит от отражения сведений в объективном мире.

³¹ См.: Случевский В.А. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. Судопроизводство / Под ред. В.А. Томсинова. М., 2008. С. 131.

³² См.: Нурбеков И.М. Тактико-организационные особенности взаимодействия при расследовании преступлений международного характера. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 248.

²⁸ Как отмечает А.И. Бастрыкин, «исполнение запросов об оказании правовой помощи растягивается на длительное время, что затягивает сроки предварительного следствия» (Интервью Председателя Следственного комитета при Прокуратуре РФ А.И. Бастрыкина // Закон. 2009. № 1. С. 16).

вовой помощи по уголовным делам является *использование средства связи при собирании доказательств* на территории иностранного государства.

Поскольку УПК РТ не предусматривает собирания и проверки доказательств с помощью аудио- и/или видеосвязи или УПК РФ не предусматривает собирания и проверки доказательств с помощью аудио- и/или видеосвязи в предварительном расследовании, первоначально необходимо указать действующие юридические основы собирания и проверки доказательств с помощью аудио- и/или видеосвязи. В соответствии со ст. 278.1. УПК РФ допрос с использованием систем видеоконференцсвязи возможен в суде первой инстанции³³. Правовое регулирование процессуальных средств собирания и проверки доказательств с помощью аудио- и/или видеосвязи предусмотрено в международно-правовых актах³⁴.

Следует отметить, что в международно-правовых актах об оказании правовой помощи по уголовным делам предусмотрена возможность использования аудио- или видеосвязи, но при этом собирание и проверка доказательств с помощью аудио- или видеосвязи и использование этих результатов в процессе доказывания определяются внутренним законодательством государств. Однако по сравнению с международно-правовыми актами внутреннее законодательство некоторых государств недостаточно полно регулирует вопросы проведения процессуальных действий с использованием аудио- и видеосвязи.

На наш взгляд, нормы УПК РФ и УПК РТ об использовании средств связи требуют изменений и дополнений. Нельзя преувеличивать возможности средств связи при международно-правовой помощи по уголовным делам – следует дополнить статью соответствующим пунктом следующего содержания: “международное сотрудничество при использовании средств связи”. Использование средств связи должно регулироваться нормами общей части УПК.

Поскольку сегодня беспристрастно развиваются технические средства связи и их роль в современном уголовном процессе при собирании и проверке доказательств важна, представляется необходимым внести дополнения и изменения в УПК РТ по поводу включения возможности собирания и проверки доказательств с помощью электронной аудио- или видеосвязи, используя зарубежный опыт. Но в настоящее время нет в уголовно- процессуальном законодательстве стран СНГ³⁵ и некоторых стран Европы

(например, Швейцарии³⁶) норм о собирании доказательств с помощью электронной, аудио- или видеосвязи. Недавно принятый УПК Украины разделяет, как отмечалось, использование видеоконференцсвязи на досудебной и судебной стадиях, хотя, по существу, цель использования видеоконференцсвязи на обеих стадиях – это собирание доказательств. Кроме того, УПК Украины предусматривает использование только видеоконференцсвязи, но не предусматривает других видов средств связи – и только при проведении допроса и опознания, хотя возможно использование видеоконференцсвязи для проведения очной ставки.

И еще один важный момент: в научной литературе предлагается внести в УПК РФ отдельную статью, касающуюся использования видеоконференцсвязи при осуществлении международно-правовой помощи по уголовным делам³⁷. Если так, то надо в соответствующий УПК внести несколько статей по поводу использования видеоконференцсвязи. Нет необходимости вводить несколько статей в УПК РТ: цель использования видеоконференцсвязи – это собирание и проверка доказательств. Часть 2 ст. 72 УПК РТ предусматривает электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения как самостоятельный вид, но не предусматривает их понятий³⁸. По нашему мнению, в УПК РТ следует внести ст. 81.1 в следующей редакции “*Электронная, аудио-, видеосвязь и электронные, аудио-, видеозаписи.*”

1. Дознаватель, следователь, прокурор и суд при получении показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и эксперта могут использовать электронную, аудио- и видеосвязь, если:

- а) невозможно непосредственное участие участника уголовного процесса;
- б) необходимо обеспечение безопасности лиц;
- в) необходимо обеспечение быстрого расследования уголовного дела;
- г) она не влияет, по существу, на обстоятельства уголовного дела;
- е) наличие других достаточных оснований.

Правовое регулирование проведения допроса с помощью видео- или аудиотехники предусмотрено также в УПК Украины. УПК Украины от 13 апреля 2012 г. разделяет использование видеоконференцсвязи на досудебной стадии и на стадии судебного производства. Например, проведение допроса, опознания в режиме видеоконференции во время досудебного расследования (ст. 232) и проведение процессуальных действий в режиме видеоконференции в ходе судебного производства (ст. 336) (УПК Украины от 13 апреля 2012 г. Голос Украины. 2012. 19 мая).

³⁶ Статья 144 (проведение допроса с использованием видеоконференцсвязи) УПК Швейцарии.

³⁷ А.Г. Волеводз отмечает, что необходимо в уголовно-процессуальном законодательстве начать формирование основ правового регулирования использования видеоконференцсвязи при международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса. Первым шагом на этом пути могло бы явиться дополнение УПК РФ новой ст. 459-1 “Взаимная правовая помощь с использованием средств видеоконференцсвязи” (Волеводз А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Воен.-юрид. вестник Приволжского региона: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Самара, 2003. С. 94).

³⁸ По вопросам различия источников доказательств в разных странах, включая электронные, видео- и аудиозаписи и наблюдения, см.: Абдуллоев П.С. Понятие доказательства в уголовно-процессуальном праве России (Актуальные вопросы) // Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 2012. № 2. С. 99–109.

³³ См.: Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления: Сб. / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2011. С. 150–153.

³⁴ Дача показаний с помощью аудио-, видеосвязи более четко регламентирована в *правиле 67* Правил процедуры и доказывания “Прямая трансляция свидетельских показаний по каналам аудио- или видеосвязи” (Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда // Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 344). См.: ч. 2 ст. 69 Римского статута МУС от 17 июля 1998 г. // Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. (с изм. на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июля 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г. и 16 января 2002 г.). Статут вступил в силу 1 июля 2002 г. // А/CONF.183/9; ст. 6, 105 Кишиневской конвенции; ч. 18 ст. 18 Конвенция ООН против коррупции; ст. 9 и 10 второго Дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 8 ноября 2001 г.

³⁵ В соответствии со ст. 115 УПК Республики Молдова “при допросе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, потерпевшего, свидетеля могут применяться по их просьбе или по инициативе органа уголовного преследования или судебной инстанции аудио- или видеозаписи” (УПК Республики Молдова от 14 марта 2003 г. // <http://www.base.spinform.ru>

2. В случае получении показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и эксперта с использованием электронной, аудио- и видеосвязи дознаватель, следователь, прокурор и суд могут принять обоснованное решение о его производстве только мотивированным постановлением (определением).

3. К электронным, аудио- и видеозаписям могут относиться киносъемки, звуко- и видеоролики и электронные источники информации, электронные, аудио- и видеозаписи наблюдения, электронные, аудио- и видеосредства, полученные из сети Интернет, и иные электронные, аудио- и видеосредства, представленные в порядке, предусмотренном статьей 86 настоящего Кодекса, и признанные доказательствами по делу”.